
Римма Мошинская*

ПИСАТЕЛЬ С УЛИЦЫ МОРГ

«Был же болен некто Лазарь, из Вифании...»

Осмысливая с учениками сложный для восприятия, исполненный мистики и загадки роман «Преступление и наказание», приходится пробиваться к пониманию замысла автора не только вчитываясь в текст романа, но и привлекая произведения, скрыто процитированные в нем. Часть из них уже известна школьникам: это и «Снежная королева» Андерсена, и пушкинские «Станционный смотритель», «Капитанская дочка», «Борис Годунов», гоголевская «Шинель». Приходится предлагать учащимся прочитать ряд произведений, не входящих в обязательный минимум школьной программы, но необходимых для понимания замысла Достоевского. К ним, прежде всего, относятся «Пиковая дама» Пушкина и городская лирика Некрасова, в частности, цикл «О погоде». И новелла американского писателя Эдгара Аллана По «Убийство на улице Морг».

В первом номере журнала «Время» за 1861 год была напечатана (без подписи автора) принадлежащая перу Федора Михайловича Достоевского статья-рецензия «Три рассказа Эдгара Поэ», в которой речь идет и о новелле «Убийство на улице Морг» — «убийстве, совершенном орангутангом».

* Мошинская Римма Петровна — учитель высшей категории, Почетный работник общего образования Российской Федерации. Автор работ о творчестве Пушкина, Достоевского, Мандельштама, Булгакова, Тынянова, Шолохова, Шамфора и др. Печаталась в журналах «Уральский следопыт», «В мире книг», «Детская литература», «НЛО», «22» (Москва — Иерусалим), в альманахе «Московский пушкинист», в «Учительской газете», «Книжном обозрении» и др. периодических изданиях.

Зачастую школьники, прочитав захватывающую историю, рассказанную родоначальником детективного жанра Э. По, сами замечают параллели между короткой новеллой и монументальным романом Достоевского «Преступление и наказание».

1. Загадочное убийство двух женщин, старой и молодой, связанных кровным родством (у Эдгара По — мать и взрослая дочь, у Достоевского — сестры: одной около шестидесяти, другой около тридцати).

2. Убийство совершено на последнем, четвертом этаже доходного дома.

3. Квартира принадлежит *ювелиру* (Э. По). В квартире принимаются в залог *ювелирные изделия* (Достоевский).

4. Убийства совершены с особой жестокостью.

5. Убийца скрылся с места преступления загадочным образом в то время, когда свидетели поднимались по единственной лестнице, ведущей к месту преступления.

6. Под следствием оказывается невинно обвиненный.

7. Убийца оставил в квартире нетронутой большую сумму денег.

8. Убийство совершено *украденным* бытовым предметом (бритва, топор). Преступление совершается в столице государства (Париж, Петербург).

9. Преступление раскрывает талантливый сыщик-психолог.

При совпадении деталей двух убийств особенно поразительной кажется развязка новеллы Эдгара По.

Убийцей оказывается обезьяна. Причем мотивы ее действий вполне соответствуют ее животной природе: подражание и страх. Вырвавшийся на свободу зверь, долгое время наблюдавший из своего загона, как бреется его мучитель-хозяин, крадет бритву и, прыгая по городским крышам, случайно видит через открытое окно двух женщин и бросается к ним в комнату с «благой целью» — совершить *человеческий* поступок, применить украденную игрушку по назначению — побрить людей. Соппротивление женщин вызывает в звере ярость. Непомерная сила приводит к убийству, страх наказания — к попытке скрыть следы содеянного, — отсюда такая «нечеловеческая жестокость», поразившая профессиональных следователей: один труп выброшен в окно, другой вверх ногами втиснут в дымоход...

Итак, у Эдгара По убийство совершил испуганный зверь, «тварь дрожащая». Но ведь это именно то, чему так боялся уподобиться студент-правовед Родион Раскольников, задававшийся вопросом, кто он: «тварь дрожащая» или право имеющий. Конечно, недоучив-

шийся студент юридического факультета вкладывал в эти слова совсем иной смысл. «Тварь дрожащая» — цитата из «Подражания Корану» А.С. Пушкина, из стихотворения, открывающего этот цикл. Это слова Аллаха, обращенные к пророку Магомету:

...Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй.

В тексте Пушкина «дрожащая тварь» — народ, толпа, предназначение которой — внимать пророку и повиноваться Закону, данному Богом. У Пушкина здесь «тварь дрожащая» — понятие собирательное; у Достоевского — намеренно персонифицированное. И тоже, видимо, с оглядкой на Пушкина:

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно...
(«Евгений Онегин», гл. вторая, XIV).

Раскольников не хочет быть «человеком толпы» — это тоже название одной из новелл Эдгара По, мотивы которой заметны в «Преступлении и наказании». Он хочет быть «право имеющим» — как Магомет, как Наполеон, как те избранники истории, которые проливали реки крови, утверждали новый закон (Коран, Кодекс Наполеона). И благодарное человечество зажигало над их «урной» «луч бессмертия» (А.С. Пушкин). Именно желание проверить, достоин ли он уподобиться «собственно людям», сможет ли он, как они, «переступить через кровь», толкает Раскольникова на убийство «ненужной», злой и больной старушонки. Его поступок, как кажется ему, хорошо продуман, все просчитано и учтено — на «дело» идет не тупой уголовник, а человек, изучавший историю, юриспруденцию и криминалистику. Но «арифметика» подводит: убив старуху, молодой человек забывает запереть дверь, которую Алена Ивановна оставила открытой, и входит *свидетель* — Лизавета. Безответная, беззащитная и безотказная Лизавета, освободителем которой видел себя «тираноборец» Раскольников. Страх разоблачения, животный, неконтролируемый страх, заставляет Раскольникова убить и Лизавету.

Подражание кумирам и страх — и вот добрый, любящий, образованный юноша превращается в двойного убийцу, поступает как «тварь дрожащая», как дикое, испуганное и озлобленное животное. Именно как озлобленное, а не злое.

Новелла об обезьяне, преданно любящей своего друга-человека, была хорошо известна русскому читателю по книге Антония Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», мотивы которой просматриваются и в «Преступлении и наказании». О внимании Достоевского к этой книге говорит и то, что еще в 1846 году вышло из печати второе после «Бедных людей» крупное произведение молодого Достоевского «Двойник», название которого едва ли случайно совпадает с названием романа Погорельского. В свою очередь сюжет об обезьяне у Погорельского был своего рода репликой на опубликованный в 1824 году русский перевод популярной повести французского писателя и ученого Пужана «Жако, анекдот, извлеченный из неизданных писем об инстинкте животных». Инсценировку этой повести «Жако, или Бразильская обезьяна» смотрели с родителями в театре мальчики Достоевские — об этом через много лет вспоминает младший брат Ф.М. Достоевского Андрей Михайлович.

Обезьяна у Э. По насильственно вырвана из родной среды и привезена в Париж с целью наживы. Бедное животное подвергалось истязаниям хозяина — грубого матроса, и ярость зверя вылилась на случайные жертвы. Достоевский, для которого так важна была тема «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», с одной стороны, вслед за Пушкиным пытался предупредить о страшных последствиях призывов к топору. Но в своем философском и символическом романе он обращается не только к «заблудшей» молодежи, но и к тем «хозяевам», которые, думая о сегодняшних выгодах, забывают, как опасно дразнить зверя — унижать и ожесточать народ.

Но почему же все-таки обезьяна? В то время, когда творили Пушкин, Антоний Погорельский, Э. По, слово «обезьяна» было связано, прежде всего, с мотивом подражания: обезьянничать — подражать. Сходство обезьяны с человеком вызывало смех, ловкость и цепкость — удивление. Обезьянами в России называли французов — за живость нрава и темпераментную жестикуляцию. Лицейские прозвища Пушкина «француз» и «обезьяна» — почти синонимы. В «Арапе Петра Великого» боярин Ржевский «остроумно» прозвал вернувшегося из Парижа «молодого франта» Корсакова «французской обезьяною». В свою очередь, наблюдательная пушкинская мемуаристка, «автор» «Записок дамы» («Рославлев»), называет «московских умников» «обезьянами просвещения».

Но во второй половине XIX века слово «обезьяна» обрело новый смысл. Это слово раскололо мыслящую публику, оно стало знаковым в полемике интеллигенции. Теория Дарвина о происхождении видов противоречила библейским представлениям о сотворении мира и человека. Общество разделилось на верящих в Бога и верящих в обезьяну. Если усомниться в одном, то можно сомневаться и во всем. Если не было творения в шесть дней, значит, и нравственный закон, и десять заповедей, и все, все можно подвергать сомнению?

А если так — то «все дозволено»?

Вопрос о происхождении видов оказался не столько проблемой науки, сколько проблемой общественного поведения людей и, прежде всего, образованной молодежи. Не остался в стороне от полемики вокруг дарвинизма и издаваемый Достоевскими журнал «Время». В одиннадцатом номере журнала за 1862 год была напечатана статья Н.Н. Страхова «Дурные признаки. О книге Ч. Дарвина “Происхождение видов”».

Достоевский, сопоставляя поведение Раскольникова с поведением обезьяны, утверждает, что человек, усомнившийся в Боге, уверовавший в обезьяну, может уподобиться ей, сам того не ведая. Либо в тебе воплощен образ Божий — и тогда библейские и евангельские заповеди для тебя закон, либо ты признаешь себя потомком обезьяны, и тогда твой *свободный* нравственный выбор может быть губителен для тебя и для мира¹.

* * *

Место действия новеллы Э. По «Убийство на улице Морг» — Париж, в котором По никогда не бывал. Это условный город, созданный воображением писателя. Кстати, даже улицы со страшным названием Морг в Париже никогда не было. А вот в Москве была. И не одна. Морг, «анбар» — яма, подвал, в котором всю зиму хранились неопознанные тела людей, погибших на улице, назывался «убогим домом» или «божьим домом». Этот подвал первоначально находился в районе современной улицы Дурова, получившей название Старая Божедомка. Название «Божедомка» распространилось и на прилегающую местность, «урочище». Позднее морг был перенесен в Марьину Рошу, на окраину немецкого кладбища. Подвал открывался два раза в год — для того, чтобы родственники могли отыскать там своих без вести пропавших близких и захоро-

нить их подобающим образом. Неопознанные тела хоронились за счет города в общей могиле. Открытие «анбара» весной, «в четверток седьмая неделя по Пасце», в Семик, — стало днем ежегодного традиционного поминовения усопших, со временем превратившегося в знаменитые «гулянья в Марьиной Роще». Гуляли там с родителями и сыновья штаб-лекаря Мариинской больницы для бедных Михаила Андреевича Достоевского.

Мариинская больница была открыта в 1806 году «в урочище на Убогом дому», на бывшей проселочной дороге через Марьину Рощу. Больница находилась в ведении вдовствующей императрицы, вдовы императора Павла I, Марии Федоровны. Москвичи называли больницу Мариинской, соединив имя учредительницы с привычным названием Марьиной Рощи. Здесь и оформилась улица, получившая название Новой Божедомки (улица Достоевского), в отличие от прежней, которая стала называться Старой Божедомкой (улица Дурова). Там, на Новой Божедомке, в служебной квартире врача Мариинской больницы для бедных («убогих»), родился Федор Достоевский, писатель с московской «улицы Морг».

К слову сказать, родовая усадьба Пушкиных, в которой родились и отец, и дядя великого поэта, тоже находилась неподалеку — в Божедомском переулке (Делегатская улица), на пути к «улице Морг». Вот уж буквально «странное сближение».

* * *

На наш взгляд, не только Божедомка, но и некоторые другие московские впечатления, связанные с районом его детства, отразились в творчестве Достоевского, в том числе и в «Преступлении и наказании».

Важную роль в романе играет сюжет о воскресении Лазаря, упомянутый в романе трижды и полностью прочитанный Соней Мармеладовой по Евангелию, принадлежавшему убитой Лизавете, — по просьбе убившего Лизавету атеиста Раскольникова.

Достоевский не говорит напрямую, когда произошло отпадение Раскольникова от веры. Помочь читателю может разве что сон героя о его детстве, о том, как на глазах у верующего и послушного восьмилетнего мальчика, любящего родителей и Бога, совершается убийство замученной клячи, — и его отец, сильный, взрослый отец, оказался не в силах защитить несчастную жертву — «лошад-

ку». Сначала поколебалась вера в могущество отца земного, потом, когда вырос, — в силу Отца Небесного...

Смерть отца, бедность, жизнь в «петербургских углах», видимо, не раз заставляли Раскольникова усомниться во всемогуществе Бога. Знакомство с историей человечества, с историей права утвердили его в мысли, что не смирение и любовь движут миром, а сила и расчет, «естественный отбор» и «арифметика». *Наука* утверждает — только сильнейший достоин жить и повелевать человеческим «материалом».

Утрата веры ведет к духовной смерти. Воскресение возможно только через возвращение к вере. Праведный Лазарь воскрес благодаря вере, надежде и любви его сестер Марии и Марфы, умоливших Христа воскресить *тело* их умершего брата. Воскрешение *души* Раскольникова было бы невозможно без любви женщин — его *сестры* Дуни и матери (которую тоже можно было принять за *сестру* Дуни — так молодо она выглядела). И, конечно, воскресение Раскольникова было бы невозможно без веры, надежды и любви Сони Мармеладовой, *сестры* по несчастью, которая тоже «преступила» — нарушила «седьмую заповедь», заповедь о прелюбодеянии.

Сюжет о воскрешении Лазаря, один из самых трогательных, поэтических и любимых в народе сюжетов, также мог быть связан для Достоевского с воспоминаниями детства и ранней юности.

По соседству с Новой Божедомкой, где прошло детство Достоевского, располагалось первое в Москве общегородское Лазаревское кладбище, учрежденное по приказу и на средства императрицы Елизаветы Петровны в 1750 году. Кладбище включило в себя и «убогий дом», переведенный сюда со Старой Божедомки в 1746 году. На средства «дщери Петровой» на новом кладбище тогда же была построена первая, деревянная церковь Воскресения праведного Лазаря. В 1780-х годах деревянная Лазаревская церковь была заменена каменной церковью Сошествия Святого Духа с приделами в честь праведного Лазаря и апостола Луки, небесного покровителя «зиждителя храма сего» титулярного советника и «имени того гражданина», купца 1-ой гильдии Луки Долгова, к сожалению, не дожившего до завершения строительства и захороненного под полом этого храма, за клиросом.

Мимо Лазаревского кладбища, а, может быть, и через него, семья лекаря Достоевского ходила на гулянья в Марьину Рошу. По воспоминаниям Андрея Михайловича Достоевского, семья Достоевских

каждое воскресенье бывала на службе в церкви при больнице, «очень большой и хорошенькой» — церкви Петра и Павла, освященной в 1806 году, в год открытия больницы; в этой же церкви был крещен Федор Михайлович Достоевский. Но, конечно, Достоевские бывали и в церкви Лазаревского кладбища: в дни храмовых праздников — весной, в Лазареву субботу, и осенью, 17(30) октября, в день Перенесения мощей праведного Лазаря Четверодневного. И, конечно, в Духов день, на Троицу, в «именины» Марьиной Рощи, когда в рощу съезжалась и сходилась вся Москва. На Лазаревском кладбище в 1837 году похоронили и горячо любимую, рано ушедшую мать Федора Михайловича. Там же похоронена его сестренка Любочка².

Конечно, евангельский рассказ о воскрешении праведного Лазаря должен был знать каждый христианин, но для Достоевского он был «домашним», связанным с конкретными и яркими детскими впечатлениями. И, видимо, не только с Лазаревским кладбищем.

* * *

Несколько дальше от Новой Божедомки, но все же на расстоянии не слишком утомительной пешей прогулки (слуга Достоевских носил ежедневно оттуда из фонтана по два ведра мытищинской воды для чая), с северной стороны Земляного вала (Садового кольца), рядом со знаменитой Сухаревой башней и не менее знаменитой толкучей Сухаревкой, — известное всей Москве благотворительное медицинское заведение, одно из самых красивых зданий в Москве — Странноприимный дом графов Шереметевых.

Автор проекта — архитектор Елизвой Назаров, тот самый, что спроектировал церковь Сошествия Святого Духа на Лазаревском кладбище. В центре огромного полукруга, обращенного к улице, — домовая церковь Живоначальной Троицы. Церковь была приходской, значит, вход в нее был открыт не только для пациентов больницы и призреваемых в богадельне (странноприимице), но и для всех желающих. И, конечно же, здесь должно было быть торжественное богослужение на Троицу. Кажется просто невероятным, чтобы врач Мариинской благотворительной больницы Михаил Андреевич Достоевский не показал своим детям знаменитую Шереметевскую больницу и ее церковь. О пристальном внимании благотворительных заведений друг к другу свидетельствует благоприятный отзыв о порядках в Мариинской больнице главного смотрителя Странноприимного дома А.Ф. Малиновского.

Первое, что поражает воображение даже взрослого человека, вошедшего внутрь церкви, — огромные, мощные, как бы выходящие из стен и втягивающие посетителя в свое пространство горельефы работы академика-скульптора Г.Т. Замараева, расположенные наподобие античного фриза справа и слева от алтаря.

Один горельеф изображает избиевание младенцев воинами, посланными царем Иродом. Страшный сюжет передан с огромным эмоциональным напряжением. Многофигурная динамичная композиция плотно заполняет пространство. Энергичная светотень создает ощущение движения; сочетание объемных фигур первого плана и невысокого рельефа фигур второго плана, как бы тонущих, растворяющихся в глубине фона, создают впечатление глобальности происходящего. Особенно пугающе выразительны элементы, выступающие в пространство церкви, на зрителя, — детально проработанные ножки младенца, занесенный острый кинжал... Черные провалы открытых в крике ртов матерей — в контрасте с белым гипсом скульптурного материала создают почти слуховую галлюцинацию. Трудно вообразить, что должен был чувствовать впечатлительный ребенок, глядя на это жестокое действо, и, может быть, продолжительное время: в течение долгого богослужения или слушая подробное и нравоучительное объяснение своего педантичного отца-воспитателя. Не отсюда ли острое чувство жалости к детям, «слеза ребенка», которая станет критерием оценки добра и зла в творчестве Достоевского?

На противоположной стене храма изображено событие радостное, светлое, казалось бы, более соответствующее медицинскому учреждению, *лазарету*, — воскрешение праведного Лазаря.

В 1838 году, в семнадцатилетнем возрасте Достоевский покидает Москву, чтобы по настоянию отца поступить в Главное инженерное училище в Петербурге. Дальнейшая жизнь его будет связана с северной столицей. Но и там отзвуком детства могли прозвучать для него названия Лазаревской церкви и Лазаревского кладбища в Александро-Невской лавре. И это не случайное совпадение. Связующим звеном и здесь был славный род Шереметевых.

В 1717 году в Александро-Невской лавре над могилой любимой сестры Петра I царевны Натальи Алексеевны была построена небольшая каменная церковь праведного Лазаря. С петровских времен Лазаревская церковь в Александро-Невской лавре была усыпальницей рода Шереметевых. В ней похоронен фельдмаршал,

главнокомандующий в Полтавской битве граф Борис Петрович Шереметев. Есть в храме и другие почетные захоронения: здесь погребен герой Наваринской морской баталии Иван Абрамович Ганнибал — двоюродный дед Пушкина, «наваринский Ганнибал». В 1787 году церковь была расширена, в последующие два года внук фельдмаршала Шереметева граф Николай Петрович, владелец Останкина и Марьиной Рощи, будущий соиздатель Странноприимного дома в Москве, дал средства на новый иконостас и постройку притвора Лазаревского храма в Александро-Невской лавре. Обновленное здание освятили в 1790 году. За три года до приезда Достоевского в Петербург, в 1835 году, сын Николая Петровича Шереметева и крепостной актрисы, звезды кусковского и останкинского театров Прасковьи Ковалевой-Жемчуговой Дмитрий Николаевич Шереметев заказал архитектору Л.Я. Тиблену капитальную перестройку Лазаревской церкви, и в 1836 году строительные работы были закончены.

Все это говорит о том, какое значение Шереметевы придавали Лазаревской церкви в Петербурге. Устройство Лазаревского кладбища и Лазаревской церкви в Москве, в Марьиной Роще, было, очевидно, знаком особого расположения императрицы Елизаветы к семейству славного фельдмаршала, сыгравшего важную, но не совсем понятную роль в судьбе ее матери, Марты Скавронской — императрицы Екатерины I. Здесь же в Марьиной Роще, по соседству, на немецком кладбище был похоронен и пастор Глюк, в доме которого (служанкой? воспитанницей?) жила будущая супруга Петра I.

Трудно сказать, в какой степени семья Достоевских была осведомлена о семейных амбициях владельцев Марьиной Рощи. Язык политических символов, закодированный в названиях церквей и богоугодных заведений, едва ли интересовал ребенка. И вряд ли о них думал писатель Достоевский, создавая свои книги.

Но образная сторона евангельских рассказов, церковных праздников, ярких зрительных впечатлений детства, видимо, осталась. В памяти взрослого человека надолго остаются названия улиц детства, волнуют сами слова, даже если человек не делает попыток туда вернуться, даже если этих улиц давно нет. Остались ли в памяти Достоевского названия церквей, названия приходов, которые находились по соседству с Новой Божедомкой?

В 1773 году во время эпидемии чумы в Марьиной Роще за Камер-Коллежским валом у Миусской заставы было открыто новое

Миусское кладбище и построена деревянная, замененная в 1823 году на каменную, церковь во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. На Миусском кладбище хоронили в основном жителей Марьиной Рощи и Бутырок: купцов, ремесленников и мещан — незнатных людей московской окраины. Две младшие сестренки-близняшки Федора Михайловича были наречены Верой и Любовью. Любочка умерла младенцем, а Верочка выжила. Бывала ли семья Достоевских в церкви, посвященной небесным покровительницам дочерей? Кто знает, не отразилось ли имя и этой кладбищенской церкви в образной структуре «Преступления и наказания», в символике имени главной героини романа?

Но несомненно, что странное название «Миусы» осталось в памяти Достоевского — одному из персонажей «Братьев Карамазовых» он дает фамилию Миусов.

Вспомним сон Раскольникова о детстве. Вспомним, что маленький Родион любил церковь и кладбище, а не любил и боялся кабака. Ни Петруше Гриневу, ни Илюше Обломову такое не снилось. Во второй половине 30-х годов автор знаменитого «Юрия Милославского» М.Н. Загоскин в очерке «Марьиная Роща» так описывает эту местность: «Как это странно, в Москве самые любимые гулянья простого народа — Ваганьково и Марьиная Роща; Ваганьково — кладбище за Пресненской заставой, Марьиная Роща — тоже старое кладбище в двух шагах от Лазаревского кладбища; одним словом, это место самых буйных забав, пьянства и цыганских песен окружено со всех сторон кладбищами». «Героиня» *детского* сновидения Раскольникова — лошадь; это, может быть, не только цитата из некрасовского цикла «О погоде», но и воспроизведение каких-то собственных детских впечатлений, связанных с бойкой Троицкой дорогой, соседней ямской Переяславской слободой и ее обитателями-ямщиками, «гуляющими» в развеселой Марьиной Роще.

Пушкину, а вслед за ним и Лермонтову, наблюдавшим народную жизнь, были милы и «пьяный топот трепака перед порогом кабака» («Отрывки из путешествия Онегина»), и пляска «с топанием и свистом под говор пьяных мужичков» («Родина»). Но едва ли кабак и пьянство сохраняют свою трогательную привлекательность для того, чье детство прошло на Божедомке, московской «улице Морг», среди болезней, смертей — и «гуляний», порой становящихся причинами смертей и увечий. Как известно, роман «Преступление и наказание» родился из замысла романа «Пьянень-

кие». Роман о петербургском дне, об униженных и оскорбленных Петербурга, города, в котором Достоевский прожил большую часть своей взрослой жизни. Но есть основания предполагать, что и московские впечатления, впечатления детства и ранней юности сыграли немалую роль в создании этого романа.

* * *

В «Преступлении и наказании» можно заметить нечто общее не только с новеллой «Убийство на улице Морг», но и с некоторыми другими рассказами Эдгара По.

Как известно, роман «Преступление и наказание» объединил в себе замыслы двух произведений: романа «Пьяненькие» и повести, представляющей собой «психологический отчет одного преступления». Судя по сохранившимся фрагментам в записных тетрадах, Достоевский сначала намеревался придать повествованию об убийстве форму исповеди, дневника или воспоминаний убийцы. Такая форма присутствует и у Эдгара По. В новелле «Черный кот» убийца-алкоголик рассказывает о «самой чудовищной и самой обиденной истории»: как он под влиянием «дьявольского соблазна» (или алкоголя?) убивает сначала своего любимца-кота, а затем, пытаясь убить *двойника* кота, убивает и собственную жену. Он «раскроил ей голову топором. Она упала без единого стога». (Вспомним, как будет убита Лизавета: «Удар пришелся ей прямо по черепу, острием, и сразу прорубил всю верхнюю часть лба, почти до темени. Она так и рухнулась».) Убийца тщательно прячет все улики, но Черный Кот — символ совести — выдает его полиции.

Мотив скрытого преступления важен как для Э. По, так и для Достоевского. В самом начале новеллы «Человек толпы» читаем: «Увы, порой совесть человеческая возлагает на себя бремя ужасов столь тяжкое, что сбросить его можно только лишь в могилу». Это новелла-наблюдение над человеком, который, возможно, совершил некогда «удачное» и таинственное преступление. Ощущение города, толпы, внимательность описания типов прохожих — все это очень близко к ощущению Петербурга Достоевского. Сравним чувства повествователя-наблюдателя из «Человека толпы», сидящего в «Д-ской кофейне в Лондоне», и Раскольникова, зашедшего в распивочную в Петербурге. Рассказчик «Человека толпы» пишет о себе: «В течение нескольких месяцев я хворал, но теперь поправился, и вместе со здоровьем ко мне вернулось то счастливое рас-

положение духа, которое представляет собою полную противоположность *тоске*, состояние острейшей восприимчивости, когда спадает завеса с умственного взора и наэлектризованный интеллект превосходит свои обычные способности». «Просто дышать — и это казалось наслаждением, и **я извлекал удовольствие даже из того, что обыкновенно считается источником страданий**. У меня появился спокойный и в то же время пытливый интерес ко всему окружающему».

А это состояние болевающего Родиона Раскольникова, приходящего в себя после «внезапной слабости», которую «он относил и к тому, что был голоден»: «...Один какой-нибудь стакан пива, кусок сухаря — и вот, в один миг, крепнет ум, яснее мысль, твердеют намерения!» — рассуждал Раскольников. «...Он глядел уже весело, как будто внезапно освободясь от какого-то ужасного бремени, и дружелюбно окинул глазами присутствующих. Но даже и в эту минуту он отдаленно предчувствовал, что вся эта восприимчивость к лучшему была тоже болезненная». «....Теперь его вдруг что-то потянуло к людям... Что-то совершалось в нем как бы новое, и вместе с тем ощущалась какая-то жажда людей. Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной **тоски** своей и мрачного возбуждения, что хотя одну минуту хотелось ему **вздохнуть** в другом мире, хоть бы в каком бы то ни было, и, несмотря на всю грязь обстановки, он с удовольствием оставался теперь в распивочной». Вспомним и чувство неожиданной и казалось бы неуместной эйфории, которое испытает Раскольников по выходе из квартиры только что скончавшегося Мармеладова: «Он сходил тихо, не торопясь, весь в лихорадке и, не сознавая того, полный одного, нового, необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни».

Но это будет потом. А пока — человек, ощущающий в своем состоянии резкую перемену к лучшему, сидит за столиком, разглядывает окружающих — их типы, костюмы... И тут...

«Бывают иные встречи, совершенно даже с незнакомыми нам людьми, которыми мы начинаем интересоваться с первого взгляда, как-то вдруг, внезапно, прежде чем скажем слово. Такое точно впечатление произвел на Раскольникова тот гость, который сидел поодаль...» («Преступление и наказание»).

«Удивительное выражение лица сразу же приковало к себе и поглотило все мое внимание» («Человек толпы»).

«Но что-то было в нем очень странное; во взгляде его <...> пожалуй, был и смысл и ум, — но в то же время мелькало как будто и безумие» («Преступление и наказание»).

«Какая жуткая повесть запечатлелась в этом сердце!» («Человек толпы»).

Незнакомец привлекает наблюдателя странным выражением лица и особенностями костюма, выдающими человека опустившегося, утратившего некогда более высокое положение. «Одежда на нем была рваная и грязная, однако в те короткие мгновения, когда на него падал свет фонаря, я успел заметить, что белье хоть и грязное, но сшито из дорогой ткани, и, если зрение меня не обмануло, сквозь прореху в наглухо застегнутом и явно купленном из вторых рук *requelaine* (длинный сюртук. — *ред.*) сверкнули алмаз и кинжал» («Человек толпы»).

«Одет он был в старый, совершенно оборванный черный фрак с осыпавшимися пуговицами. Одна только еще держалась кое-как, и на нее-то он и застегивался, видимо, желая не удалиться приличий. Из-под нанкового жилета торчала манишка, вся скомканная, запачканная и залитая. Лицо было выбрито, по-чиновничьи, но давно уже, так что уже густо начала выступать сизая щетина» («Преступление и наказание»). В темноте, **при свете фонаря**, Раскольников увидит Мармеладова позднее, в момент его трагической гибели: «На земле лежал только что раздавленный лошадыми человек, без чувств, по-видимому, очень худо одетый, но в “благородном” платье, весь в крови. <...> Вдруг фонарик осветил лицо несчастного; он узнал его».

Персонаж, остановивший внимание Раскольникова в распивочной, изливает душу: «А коли не к кому, коли идти больше некуда! Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!».

Странный незнакомец из новеллы Эдгара По бесцельно блуждает по улицам, наталкивая наблюдателя на мысль, что «старик прообраз и воплощение тягчайших преступлений. Он не может остаться наедине с самим собой. Это человек толпы».

Что касается Мармеладова, то никаких *таинственных* преступлений он не совершал, он просто «лежал пьяненький» — в то время, когда рушились судьбы близких и дорогих ему людей. И он охотно рассказывает случайному собеседнику *чудовищную* в своей *обыденности* историю.

Страшное и тайное преступление совершает Раскольников. И после этого он, который «не привык к толпе», старается в ней затеряться. «Наконец вот и переулок; он поворотил в него полумертвый; тут он был уже наполовину спасен и понимал это: меньше подозрений, к тому же тут сильно народ сновал, и он стирался в нем, как песчинка. <...> Он помнил, однако, как вдруг, выйдя на канаву, испугался, что мало народу и что тут приметнее, и хотел было поворотить назад, в переулок».

Подобным же образом ведет себя «человек толпы». Приведем только одну цитату: «Через некоторое время он свернул в один из переулков, где было менеелюдно, чем на главной улице. Тут поведение старика изменилось. Он шел медленно, как-то неуверенно».

Говоря об Эдгаре По, Достоевский отмечал, что «в его способности воображения есть такая особенность, какой мы не встречаем ни у кого: это сила подробностей». В «Человеке толпы» подробности описания улиц, динамики поведения толпы нагнетают состояние напряженности, таинственности, тревоги. Странный персонаж за сутки совершает круг по городу, и цикличность его действий подчеркивается тем, что безошибочно герой ориентируется в самых невероятных закоулках ночного города.

Маршруты героя «Преступления и наказания» также повторяются несколько раз, усиливая напряженное состояние читателя к моменту трагических событий.

У Достоевского как бы смешались две фигуры — фигура странного незнакомца и фигура наблюдателя: собственно, момент завязки романа — преступление Раскольникова — явился тем поворотным пунктом, который превратил Раскольникова из наблюдателя, рассуждающего и анализирующего человека, — в человека, гонимого страхом, «тварь дрожащую».

В «Человеке толпы» Эдгар По, описывая поведение человека с беспокойной совестью, не раскрывает читателю тайну его преступления. Он сравнивает сердце закоренелого злодея со страшной книгой и считает «одним из величайших благодеяний Господа, что она не дает себя прочесть».

Достоевский в сюжете о Раскольникове дает возможность читателю прочесть, что творится в сердце убийцы.

Но есть в «Преступлении и наказании» другой персонаж, не менее таинственный, чем неприкаянный «человек толпы». Это Аркадий Иванович Свидригайлов, собиравшийся, по его словам,

то ли отправиться в далекое путешествие — в Америку, то ли полететь на воздушном шаре (тема «воздушного шара» тоже *своя* в творчестве Э. По). *По слухам*, на совести Свидригайлова, *по крайней мере, три злодеяния*: «жестоко оскорбленная» им и покончившая с собой девочка-сирота, доведенный до самоубийства насмешками барина его слуга Филька, и, наконец, «старуха» — его законная супруга Марфа Петровна (которая была пятью годами старше Свидригайлова, человека «лет пятидесяти», — почти ровесница шестидесятилетней «старухе» Алене Ивановне). Возможно, что все это сплетни недоброжелателей — следствие ничего не обнаружило, но призраки умерших «посещать изволят». Неразгаданную тайну не состоящий под подозрением полиции Свидригайлов унесет в могилу, по собственной воле уйдя из жизни.

Обезупречно законспирированном преступлении и его нравственных последствиях — еще одна новелла Э. По: «Бес противоречия».

«Много недель, много месяцев размышлял я о том, как совершить это убийство. Я отверг тысячи планов, потому что их исполнение таило в себе хотя бы отдаленную возможность разоблачения. ... Но я не стану докучать вам ненужными подробностями.

<...> Вердикт следственного судьи гласил: “Скоропостижная смерть”. Я унаследовал <...> состояние и в течение многих лет не знал никаких забот. Возможность разоблачения представлялась мне невероятной». Так рассказывает о себе приговоренный к казни герой новеллы «Бес противоречия», который без всяких внешних причин неожиданно сам признался в совершенном много лет назад убийстве. Герой «Черного кота» тоже был уверен в том, что надежно спрятал улику, но совершил роковую ошибку: «И тут, упиваясь своей безрассудной удалью, я стал с размаху колотить тростью, которую держал в руке, по тем самым кирпичам, где был замурован труп моей благоверной».

Аркадий Иванович Свидригайлов ведет себя более благоразумно, тростью без толку не размахивает, а использует ее по назначению: «В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, по тротуару», как и подобает солидному человеку. В комнате Раскольникова, дожидаясь его пробуждения, Свидригайлов опирается на трость. Опрометчивых признаний как будто не произносит. О «скоропостижной» кончине своей супруги говорит, что его «собственная совесть в высшей степени спокойна на этот счет», но производит на Раскольникова впечатление безумца.

«Бес противоречия» одолевает Раскольникова, заставляя его играть со следствием, почти признаваться в содеянном и тут же поднимать на смех собственные слова; «бес противоречия» заставляет его идти в квартиру убитой старухи, звонить в колокольчик — возрождать то, что благоразумнее было бы изгнать из памяти. Все его поведение соткано из противоречий. Может быть, «бес противоречия» когда-то увел его от веры и толкнул на поступок, противоречащий общим понятиям о нравственности?

Загнанный в угол своими терзаниями и изнурительной игрой с проницательным следователем, Раскольников сдается полиции. В отличие от убийц из «Черного кота» и «Беса противоречия», ожидающих смерти и ада, Раскольников не будет казнен: за убийство двух женщин явившийся с повинной молодой человек приговорен к восьми годам каторги. Ему предстоит возвращение к вере, и «тут уж начинается новая история, история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его, постепенного перехода из одного мира в другой, знакомства с новой, доселе совершенно неведомою действительностью». Роман о молодом человеке, под влиянием «незаконченных идей» уподобившемуся обезьяне, заканчивается надеждой на возможность исцеления личности, а может быть, и всего общества, возрождением христианских ценностей.

Но «бес противоречия» заставляет приглядеться к некоторым теням, омрачающим светлую картину воскрешения современного Лазаря. Раскольников приходит к *вере*, а значит, и к *надежде*, благодаря *любви*, любви Сони и любви к Соне, полное имя которой — София, «мудрость», в христианском миропонимании включающая в себя понятия Веры, Надежды и Любви. Но в романе Сонечка Мармеладова — нищая уличная девица, на руках которой после смерти отца и мачехи остаются трое маленьких детей. Как с таким «наследством» отправиться в Сибирь спасти любимого? На казенный счет возят только преступников.

Счастливой развязкой роман обязан грешнику Свидригайлову: он устраивает сирот Катерины Ивановны в приличные пансионы, он дает деньги Соне на ее путешествие в Сибирь. Даже судьба Дуни и Разумихина устраивается на деньги, *завещанные* женой Свидригайлова Марфой Петровной. А отчего же все-таки умерла Марфа Петровна? И как изменить жизнь, если нет денег? Как с помощью *дедукции* ответить на проклятые вопросы: что делать? кто виноват?

Примечания

¹ О том, насколько в общественном сознании идеи Дарвина ассоциировались с обращением молодежи к нигилизму, свидетельствует, например, стихотворение племянника Антония Погорельского, поэта А.К. Толстого «Послание к М.Н. Лонгинову о дарвинизме», написанное в 1871 году, через пять лет после «Преступления и наказания», когда распространился слух о запрещении к печати книги Дарвина «Происхождение видов». А.К. Толстой был противником каких бы то ни было запретительных мер в области познания. В то же время он иронически относился к нигилистам, отрицавшим «все» — в том числе культуру и мораль. Обращаясь к начальнику Главного управления по печати, Толстой писал о Дарвине:

Нигилистов, что ли, зная
Видишь ты в его системе?
Но святая сила с нами!
Что меж Дарвиным и теми?

От скотов нас Дарвин хочет
До людской возвесть середины —
Нигилисты же хлопочут,
Чтоб мы сделались скотины.

В них не зная, а прямое
Подтвержденье дарвинизма,
И сквозят в их диком строе
Все симптомы атависма:

Грязны, неучи, бесстыдны,
Самомнительны и едки,
Эти люди очевидно
Норовят в свои же предки.

² Много интересных сведений об истории и жизни Божedomки и Лазаревского кладбища сообщает **Г.А. Федоров** в своей книге «Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XIX века». — М.: Языки славянской культуры, 2004. Г.А. Федоров обратил внимание на связь сюжета о воскресении Лазаря в «Преступлении и наказании» с детскими впечатлениями Ф.М. Достоевского от посещений церкви Лазаревского кладбища.